

Заметки

театрального деятеля

За последние годы у нас в театрах возник странный обычай: когда новый художественный руководитель приходит в театр, он прежде всего рассказывает труппе свою автобиографию (с указанием на свое знатное происхождение, если он мхатовец). Рассказ этот не только должен ознакомить труппу с личностью художественного руководителя — тут иная цель. Она состоит в том, чтобы в дальнейшем труппа начала иначе играть. Так играть, чтобы это правильно новому художественному руководителю.

В какой-то степени ленинградцы меня знают и мне не надо давать справки о себе. С моей режиссерской работой можно ознакомиться, побывав в театре на ул. Ракова; помимо того, я не имею оснований упоминать о своем знатном происхождении. Я не из МХАТ. Я шел к МХАТ от Мейерхольда, условного театра Евреннова и т. д. И, наконец, когда в таком театре, как Ленгосдрама, появляется новый художественный руководитель, то это вовсе не значит, что Екатерина Павловна Корчагина-Александровская, Юрий Михайлович Юрьев, Борис Анатольевич Горин-Горяинов должны иначе играть. Этого не будет, да этого и не надо. Художественное руководство должно обеспечить такие условия, чтобы не только эти мастера театра, но и другие достойные артисты выступали на этой сцене столько, сколько позволит им здоровье, и в таких ролях, которые наиболее им подходят. Я думаю, что в таком театре, как бывший Александринский, каждый актер должен уметь отвечать за себя. Наряду с коллективной должна существовать единоличная ответственность каждого актера.

Что же такое ансамбль? Если это ансамбль серости, добропорядочности и скуки, то долой ансамбль и да здравствуют талантливые единичны, объединенные сильной режиссурой, помогающей установить единое понимание пьесы.

Мы говорим, что в МХАТ есть ансамбль. Какой ансамбль? Там очень много изумительных актеров, но разве Леонидов, Качалов, Москвин обладают одной и той же манерой игры? Нет, их манеры различны. Но так как они играют очень хорошо, то в результате получаются замечательные художественные произведения.

Я имел счастье познакомиться с Московским Художественным театром. Я видел работу его актеров. Это актеры различной талантливости, но я не видел среди них ни одного, кто относился бы к своим ролям холодно, бездушно. К сожалению, у нас в Ленгосдраме есть такие актеры. В особенности это можно сказать о тех молодых актерах, которые думают, что им дают слишком мелкие роли, не соответствующие их положению. Я не успел еще притти сюда, как мне вручили заявление, в котором говорилось, что людям «плюют в душу», так как дают им маленькие роли. Я этих слов не гонял и очевидно никогда не пойму. Если актер замечательно сыграл свою маленькую роль и потом спросит: «Считаете ли вы, что я имею право на большие роли?», — то я отвечу: «Да, вы имеете право на большие роли, но это не значит, что вы унижаете свое достоинство, играя маленькие роли».

Для того, чтобы театр работал нормально, надо подумать о здоровой творческой атмосфере. Приходится сказать о некоторых недостатках нашего театра. Наша труппа чрезмерно велика. Нормальной творческой жизни в таком коллективе быть не может. Это первое. Кроме того я думаю, что для театра, который имел и должен иметь всеобщее значение, общий уровень мастерства недостаточно высок. В труппе есть актеры, которые сами должны спросить себя, нужны ли они этому театру.

Это не значит, конечно, что в Госдраме могут играть только знаменитые «старички», которыми мы гордимся. Да, они имеют право играть, и молодежь должна идти за ними. Однако мы не можем удовлетвориться тем, что эта молодежь только «подаёт надежды». Мы должны воспитывать молодых актеров, и они должны стоять рядом со знаменитыми «старичками». Но только «подавать надежды» нельзя, пора уже «оправдывать надежды».

В труппе Ленгосдрамы есть актеры и актрисы, которые должны за-

дать себе вопрос о возрастном стаже. Они должны начать менять амплуа. Давно уже установлено, что те театры, в которых актеры не считаются со своим возрастом и угорно не желают менять амплуа, — косные театры.

У нас есть такие люди, которые совершенно не заняты в репертуаре. До сих пор у руководства театра была только одна забота: как же их занять? А может быть им и не надо быть в театре? Чем скорее эти вопросы будут выяснены, тем лучше.

Я даже думаю, что, может быть, соблюдая полнейший такт, в течение ближайшего времени мы пошлем письма некоторым товарищам, в которых скажем: «Не применяя никаких физических мер воздействия, сообщаем, что творческой работой вашей в театре мы в ближайшее время заинтересоваться не можем».

Когда мы оздоровим труппу, уменьшим ее и тем самым улучшим условия для нормального творчества основного актерского ядра, тогда мы должны будем поставить вопрос о репертуаре.

Большая проблемная советская пьеса является первым и основным, к чему мы должны стремиться. Думаю, что мы не будем плестись в хвосте у москвичей. Мы уже получили ряд предложений от довольно крупных драматургов. Но кроме того, мы обязаны создавать кадры своих драматургов, начать работать с ленинградскими авторами.

Бывший Александринский театр должен также иметь в своем репертуаре прекрасно исполняемые пьесы русской классики. Я говорю о «Ревизоре», который должен идти лучше, чем он идет сейчас, о «Горе от ума», о пьесах Пушкина, Островского. Нельзя забывать о существовании Чехова. Тургенева и, разумеется, Горького.

С этим, кстати, будет связан и другой вопрос, который за последние годы меня очень тревожит. Если Госдрама академический театр, то она должна особо оберегать культуру русской речи. Мы все отлично знаем указания партии и правительства о языке. Русским языком, языком, на котором писали Пушкин, Толстой, Ленин и пишет Сталин, мы должны владеть безукоризненно.

Мы не имеем оснований отметить в романтику. У нас нет оснований забывать Виктора Гюго, Шиллера, может быть, Сарду.

С классиками дело обстоит как будто благополучно. В театре репетируется сейчас «Лес». Состав участников и режиссура дают все основания надеяться, что спектакль будет удачным.

Что же касается советской пьесы, то сейчас уже выяснено, что в первую очередь Госдрама будет ставить «Ван-кира» Корнейчука.

У нас есть также пьеса ленинградского драматурга Штейна. Она сделана с большим театральным вкусом, очень интересна и будет пущена в работу.

Сразу же после «Леса» мы дадим ту или другую романтическую пьесу. Будет ли это «Эрнани» Гюго, будет ли это Шиллер, будет ли это Сарду, — я еще не знаю. Во всяком случае блестящим составом исполнителей мы обеспечены.

Наконец, во второй половине сезона нам надо будет приняться за постановку «Горе от ума». К концу сезона спектакль этот должен быть выгущен. Если прибавить пьесу Горького, то это максимум того, что мы можем сделать.

Я назвал довольно много пьес, и может возникнуть мысль, что полтора или два месяца на подготовку каждого спектакля достаточно. Конечно, нет! Это количество пьес может быть выпущено только в том случае, если мы так спланируем свой репертуар, что каждая пьеса будет показана после примерно четырехмесячной усиленной работы. Разумеется, мы будем вести параллельную работу над спектаклями. Более короткий срок на постановки, по-моему, установить нельзя.

Я считаю основной своей задачей непосредственное благо актера, а благо актера я рассматриваю как непосредственное благо зрителя. Ленинские слова о том, что искусство должно быть открыто для широчайших масс, обязывают нас к огромной простоте, к огромной правдивости и скромности.

Засл. арт. С. Э. РАДЛОВ

Из первой беседы с труппой Госдрамы.